

УДК 821.161.1.09

А. А. Федотова

Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского
gry_anna@mail.ru

ЕВАНГЕЛЬСКИЙ ТЕКСТ В ОЧЕРКЕ Н. С. ЛЕСКОВА «РУССКИЕ ДЕЯТЕЛИ В ОСТЗЕЙСКОМ КРАЕ»¹

Статья посвящена актуальной проблеме анализа поэтики нефикционального текста. На материале исторического очерка «Русские деятели в Остзейском крае» (1882) в ней выявляются основные направления работы Н. С. Лескова с Евангелием и функции библейских аллюзий. Евангелие цитируется Лесковым с помощью системы текстов-посредников, характеристика которой дается в статье. В заключении устанавливается, что благоговеющее отношение к Евангелию свойственно преимущественно лесковским героям-протестантам, что становится решающим аргументом в полемике с идеологией славянофильства, которая ведется писателем в очерке.

Ключевые слова: Русская литература XIX века, Лесков, публицистика, интертекстуальность, Евангелие, Достоевский, «Исторический вестник», славянофильство.

A. A. Fedotova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky
gry_anna@mail.ru

THE GOSPEL ALLUSIONS IN NICOLAY LESKOV'S ESSAY “THE RUSSIAN STATESMEN IN OSTZEISK LAND”

The article raises the urgent problem, which is to analyze poetics of non-fiction texts. In the article Leskov's historical essay “The Russian Statesmen in Ostzeisk land” (1882) is examined as a complex artistic unity, formed on the basis of a dialog of several discourse systems. In the article the main areas of writer's work with the gospels are identified, the functions of Bible discourse in Leskov's prose are determined. Leskov cites the gospels thanks to the system of texts-intermediarys, which is characterized in the article. At the end of the article it's made a conclusion, that Protestants are the unique Leskov's heroes, who respect the gospels, which is connected with the writers polemic attack against Slavophilism.

Keywords: 19th century Russian literature, Leskov, publicism, intertextuality, Gospels, Dostoevsky, «Historical Messenger», Slavophilism.

В творчестве Н. С. Лескова особую роль играет ориентация на «чужое» слово. Среди произведений, к которым писатель обращался наиболее часто, почетное первое место принадлежит, безусловно, Евангелию. Вопрос о своеобразии актуализации евангельского текста в художественной прозе автора неоднократно привлекал внимание исследователей (3; 4; 5; 8; 10). Между тем, публицистические статьи и очерки Лескова, которые содержат многочисленные отсылки к Библии, представляют не менее интересный и значимый материал для анализа, их изучение позволит в перспективе составить полное представление об особенностях функционирования евангельского текста в прозе писателя.

В рамках данной статьи обратимся к анализу очерка «Русские деятели в остзейском крае» (1882) (6), который был создан писателем для журнала С. Н. Шубинского «Исторический вестник». Первая половина 1880-х годов – время наиболее плодотворного сотрудничества Лескова с этим изданием, целью которого было «знакомить читателей в живой, общедоступной форме с современным состоянием исторической науки и литературы в России и Европе» (12). В основе очерка лежит архивный документ – письмо Ю. Ф. Самарина (9), примаыкающее к «Письмам из Риги» 1849 года.

Цитируемое Лесковым письмо Самарина посвящено рассказу о первых днях пребывания в Остзейском крае генерал-губернатора А. А. Суворова, что для его автора становится отправной точкой в размышлениях о проблемах национальной политики Российской Империи

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда в рамках научно исследовательского проекта «Поздний Н. С. Лесков: научная подготовка к изданию художественных и публицистических произведений 1890-х годов» (грант № 15-04-00192).

в Прибалтике. В духе философии и идеологии русского славянофильства Самарин включает в письмо резкую критику деятельности князя Суворова, который, по его мнению, поддерживал немецкое дворянство в ущерб интересам православных и русских жителей имперской окраины. Тезис Самарина о необходимости при проведении российской политике в Остзейском крае оказывать «предпочтение русской природы всем прочим, – в особенности же немецкой» (9, 276) становится главной целью для полемических выпадов Лескова. Писатель дополняет цитируемое им письмо Самарина рядом «анекдотов», построенных на сопоставлении русского и немецкого национальных характеров. Проводимые Лесковым параллели основаны на различиях в рецепции героями Евангельского текста.

В первом «анекдоте» писатель актуализирует один из важнейших фрагментов Евангелия – молитву «Отче наш. Лесков вводит ее в очерк через призму «двойного» цитирования, обращаясь к «Запискам из Мертвого дома» Ф. М. Достоевского: «Чтение дошло до того эпизода, где Достоевский рассказывал о начальнике, который, в видах особенного своего удовольствия, наказывал каторжных розгами с особенным приступом. Арестанта обнажали, растягивали на земле и заставляли лежа с голой спиной читать вслух молитву Господню. Арестант, разумеется, повиновался, – читал, и когда он произносил: «Отче наш, иже еси на небеси» – начальник подхватывал: «А ты ему поднеси!» И с этим вместе пучки розог начинали свистать...» (6, 207). Показательно, что в этом эпизоде Лесков контаминирует два различных фрагмента претекста: описание поручика Жеребятникова, «до страсти любившего сечь и наказывать палками» (2, 456) и контрастный ему рассказ о «добрейшем» (2, 461) поручике Смекалове. Лесков цитирует следующий фрагмент описания Смекалова: «Нет уж, брат, ложись, чего уж тут...» – скажет Смекалов; арестант вздохнет и ляжет. «Ну-тка, любезный, умеешь вот такой-то стих наизусть?» <...> После первой строчки известных стихов арестант доходит, наконец, до слова: «на небеси» <...> «Стой!» – кричит воспламененный поручик и <...> кричит: – А ты ему поднеси!» (2, 461).

Использование для передачи текста Достоевского нарратизированного дискурса (дискурса косвенной речи) дает Лескову возможность для интеграции и интерпретации «чужого» слова. Трансформация исходного текста происходит в трех основных направлениях: писатель редуцирует диалог поручика и арестанта, необходимый Достоевскому для речевой характеристики «своего» среди заключенных начальника, атрибутирует «затушеванную» в оригинале цитату и заостряет момент телесного наказания. Нагнетание физиологических деталей, отсутствующих в претексте («арестанта обнажали, растягивали на земле», «лежа с голой спиной» (6, 207)), позволяет писателю создать подчеркнуто материальный образ истязаемого человеческого тела.

В «Записках...» Достоевский сглаживает кощунственный по сути характер описываемого им действия, используя перифраз «известный стих» и ироническую авторскую ремарку: «радуется Смекалов <...> что вот как же это он так хорошо придумал <...> и кстати и в рифму выходит» (2, 461). Лесков, благодаря продублированному указанию на сакральный текст («молитва Господня», «Отче наш, иже еси на небеси» (6, 207)), углубляет амбивалентность изображаемого им действия. Писатель максимально заостряет контраст между процессом истязания арестанта и святым смыслом основной христианской молитвы. Направление трансформации исходного произведения обнаруживает стратегию работы писателя с евангельским текстом: Лесков сопрягает сакральное и телесное, а рождающийся при этом комизм балансирует на грани святотатства. Значимым для писателя оказывается передача реакции внутри текстовых читателей «Записок» – «Артура Бенни (сына лютеранского пастора), <...> Василия Ал. Слепцова, <...> и Варфоломея Зайцева» (6, 206): «Слепцов расхохотался и, подхватив маленького, щуплого Варфоломея, поднял его как бы в жертву поднесения <...> но в это же мгновение из спальни раздался мучительный истерический вопль Бенни» (6, 208),

на которого «молитва Господня в таком богохулительном применении произвела ужасное впечатление» (6, 208). Диаметральное противоположное отношение к священному тексту студентов разного происхождения является тем критерием, по которому Лесков сопоставляет немецкий и русский национальные характеры, ставя под сомнение необходимость приоритетного положения одной из наций в Остзейском крае.

Второй «анекдот», заключающий очерк писателя, представляет собой своеобразный спор о «лучшей» вере, главными участниками которого являются два старообрядца и «книгоноша» лютеранского Библейского общества Генриха Ивановича. В ходе диалога герои Лескова обращаются к священным для них произведениям: для лютеранина им оказывается Евангелие, для старообрядцев – «Луг Духовный» и «История Выговской старообрядческой пустыни» Ивана Филиппова (11). Писатель характеризует Генриха Ивановича, подчеркивая, что «Его знали взрослые и дети и, когда бы его ни завидели, не без удовольствия говорили: «Вон немецкий старичок идет – он сейчас заведет что-нибудь о нерукотворенном Спасе сказывать, как он по морю ходил и сам рыбушку ловил» (6, 213).

В уста «старчиков» писатель вкладывает отрывки из аскетической литературы, в которых описывается процесс умерщвления плоти: «в «Луге Духовном» чтется, яко и смрад женский юной вдове угоден был ко спасению ее от блудного беса» (6, 217); «Евдокия воды на главу, живучи во общежителстве, и на ноги не возливала во всю жизнь свою, а вшей у себя не имела и о сем вельми плакаше, что будут в будущем веке вши, аки мыши» (11, 353). В новом контексте цитаты из священных для старообрядцев текстов приобретают несвойственное им комическое звучание. Этот эффект рождается, прежде всего, на стилистическом уровне, он возникает благодаря введению архаической лексики и синтаксиса в текст, написанный нейтральным литературным языком. Помимо этого, Лесков прибегает и к комизму положений. Писатель указывает в очерке на реакцию Генриха Ивановича, «необыкновенно чистенького <...> старичка<...> в безукоризненной белизны огромных воротничках» (6, 212) после чтения «Истории»: Генрих Иванович «пошел в реку купаться, и долго, долго нырял и плавал как пингвин <...> во время чтения о блаженной Евдокеи немцу по ассоциации идей стало казаться, будто на него из самой книги ползут уже такие крупные вши, “как мыши”» (6, 219).

Лесков игнорирует духовное содержание сакрального в среде раскольников произведения, в новом контексте востребованной оказывается исключительно телесная сторона подвига праведниц. Предельное «обытовление» сакрального текста вызвано появлением в очерке оппозиции нечистоты и опрятности. В идеологическом плане очерка физиологически осязаемое отличие староверов от лютеранина является для писателя основанием для вывода о невозможности того безусловного предпочтения одной нации другой, на котором настаивал идеолог славянофильства. Евангельское слово, носителем и проповедником которого является Генрих Иванович, становится в очерке тем положительным полюсом, который, по мысли Лескова, должен подчеркнуть абсурдность и комизм верований старообрядцев.

В основе очерка Лескова «Русские деятели в Остзейском крае» лежит диалог нескольких литературных и дискурсивных систем. Смысловое пространство произведений формируется в результате привлечения писателем евангельских текстов, архивных документов, современной ему литературы.

Очерк «Русские деятели в Остзейском крае» был написан в период тесного знакомства и увлечения Лескова лютеранской культурой, что ярко отразилось на своеобразии актуализации в произведении евангельского текста. Почтительное и благоговейное отношение к Евангелию, свойственное лесковским героям-протестантам, выгодно оттеняет их на фоне как православного духовенства, так и старообрядцев, что становится решающим аргументом в полемике, которую в Остзейских очерках Лесков ведет с идеологией славянофильства.

Писатель вводит фрагменты сакральных произведений в контекст «материально-телесных» (выражение М. Бахтина) образов, что дает ироничную характеристику религиозного чувства русского человека. Благодаря обращению к евангельскому тексту писатель выражает специфику религиозности разных народностей, что позволяет писателю сделать заключение о «различии, во имя разницы которого можно не укорять одного другим и не наказывать одного «предпочтением натуры другого»» (6, 209).

Литература

1. *Бахтин М. М.* Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и ренессанса [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Bahh/intro.php
2. *Достоевский Ф. М.* Записки из мертвого дома. М., 1996. С. 281–558.
3. *Ильяшенко Т. А.* Евангельские купели: Библизмы Н. С. Лескова // Рус. речь. 2001. № 1. С. 73–78.
4. *Муллер де Морозус И.* Марфа и Мария: Образ идеальной женщины в творчестве Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 442–453.
5. *Новикова А. А.* Евангельская тема Марфы и Марии в творческом развитии Н. С. Лескова (к проблеме типологии женских образов) // Уч. зап. Орловского гос. ун-та: Лесковский сборник. Орел, 2006. Т. 3. С. 19–24.
6. *Лесков Н. С.* Русские деятели в Остзейском крае / Н. С. Лесков. Иродова работа. СПб., 2010. С. 141–222.
7. *Лесков Н. С.* Собрание сочинений. В 11 т. Т. 11. М., 1958.
8. *Савелова Л. В.* Евангельский фон в структуре повести Н. С. Лескова «Юдоль» // Литература и христианство. Белгород, 2000. С. 66–68.
9. *Самарин Ю. Ф.* Сочинения. В 12 т. Т. 12. М., 1911. С. 271–277.
10. *Сафран Г.* Евангельский подтекст и еврейская тема во «Владычном суде» Н. С. Лескова // Евангельский текст в русской литературе XVIII–XX веков. Петрозаводск, 1998. Вып. 2. С. 462–470.
11. *Филиппов И. В.* История старообрядческой Выговской пустыни. СПб., 1862. С. 352 – 355.
12. Энциклопедический словарь Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1890–1907.